

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХИЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

Адресъ Редакціи:

Ординацiя улица, домъ № 2 кв. 18—въ Варшавѣ.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходить два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1880 годъ.

Утвержденіе въ православіи возсоединенныхъ паствъ въ привислянскомъ и западномъ краяхъ.

Въ привислянскомъ и западномъ краяхъ принимаемы были мѣры къ утвержденію въ православіи паствъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ возсоединенныхъ отъ уніи или отъ римскаго католичества.

Особыхъ попеченій въ этомъ отношеніи требовали возсоединенные уніаты холмско-варшавской епархіи. По отзыву преосвященнаго, религіозное состояніе ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково: въ люблинской губерніи оно вообще удовлетворительно; что же касается до губерніи сѣдлецкой, то изъ 108 имѣющихся здѣсь возсоединенныхъ приходоу 50 находятся въ хорошемъ состояніи, 24—въ довольно удовлетворительномъ, а остальные въ неудовлетворительномъ; къ числу приходоу, гдѣ возсоединенные еще мало утвердились въ православіи, относятся 7 приходоу августовскаго уѣзда, сувалкской губерніи. Для утвержденія въ православіи возсоединенныхъ уніатовъ весьма важное значеніе имѣютъ архипастырскія посѣщенія ихъ приходоу, открывающія возможность для ближайшаго ознакомленія на мѣстѣ съ религіознымъ состояніемъ паствъ и дѣятельностію пастырей и для преподаванія наставленій, соответствующихъ мѣстнымъ духовнымъ нуждамъ. Въ отчетномъ году викаріемъ холмско-варшавской епархіи, епископомъ люблинскимъ (который ближайшимъ образомъ завѣдуетъ возсоединенными приходами) посѣщено было до 77 таковыхъ приходоу въ бѣльскомъ, константиновскомъ и вло-

давскомъ уѣздахъ, сѣдлецкой губерніи, а также въ уѣздахъ грубешовскомъ и замостскомъ, губерніи люблинской. При обзорѣ приходоу, преосвященный, обыкновенно, преподавалъ народу поученіе въ церкви, затѣмъ заходилъ въ домъ настоятеля приходоу, куда приглашалъ приходскихъ братчиковъ (лицъ, пекущихся о содержаніи церкви), съ которыми продолжительно бесѣдовалъ объ ихъ обязанностяхъ, убѣждая, чтобы они, какъ вліятельныя и уважаемыя въ приходѣ лица, старались благотворно дѣйствовать на своихъ соприхожанъ и помогали мѣстному священнику въ дѣлѣ укрѣпленія ихъ въ началахъ православія. Особое вниманіе обращено было преосвященнымъ на взаимныя отношенія священниковъ съ прихожанами. При обзорѣ возсоединенныхъ приходоу, преосвященный роздалъ народу болѣе 10,000 крестиковъ, а также большое число священныхъ изображеній и брошюрь религіозно-правственнаго содержанія.

Возбужденію православно-религіознаго настроенія въ возсоединенныхъ нѣкоторыхъ приходоу, по свидѣтельству преосвященнаго холмско-варшавскаго, содѣйствовало церковное торжество, бывшее по случаю возобновленія иконы пресвятыя Богородицы, находящейся въ коденской церкви, бѣльскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи, и извѣстной въ народѣ подъ именемъ „Коденской чудотворной иконы Божіей Матери“. Какъ по своей древности, такъ и по сказаніямъ о чудотвореніяхъ, икона эта составляетъ предметъ благоговѣйнаго почитанія не только православныхъ, но и римско-католиковъ. По преданію, подлинная икона, съ которой точная копія поступила въ коденскую церковь, писана св. евангелистомъ Лукою и первоначально находилась въ греческой области Ахайи, откуда при равноапостольномъ Константиѣ Великомъ перенесена въ Константинополь, а затѣмъ, въ 586 году, въ Римъ. Въ 1633 году коден-

скій князь Николай Санѣга, тогда еще православный въ бытность свою въ Римѣ, пріобрѣлъ коню съ этой иконы для Кодеенской церкви. Движимые чувствомъ благочестиваго усердія къ древней святынѣ, кодеенскіе прихожане собрали до 400 р. на возобновленіе иконы и на украшеніе ея серебряною ризою. Возобновленная икона, 6 декабря 1880 года, освящена преосвященнымъ въ варшавскомъ кафедральномъ соборѣ и затѣмъ торжественно перенесена въ мѣсто своего постоянного нахождения. На пути слѣдованія она повсемѣстно встрѣчаема была множествомъ воссоединенныхъ и была для нихъ предметомъ благоговѣйнаго поклоненія.

Утвержденію въ православіи воссоединенной пасты, предохраненію ея отъ вліянія латино-польской пропаганды и ознакомленію воссоединившихся пастырей съ существующими въ православной церкви правилами и порядками продолжало служить начатое съ 1877 г. періодическое изданіе подъ названіемъ „Холмско-Варшавскій епархіальный вѣстникъ“. Въ этомъ изданіи появилось не мало произведеній духовно-нравственнаго, догматическаго и церковно-историческаго содержанія, раскрывающихъ заблужденія латинства и истину православія. Изъ помѣщенныхъ въ вѣстникѣ, въ отчетномъ году, произведеній обращаютъ на себя вниманіе брошюры профессора кіевской духовной академіи Малышевскаго „правда объ униі“ (перепечатанная съ согласія автора) и начало статьи „о древнѣйшемъ существованіи русской народности въ губерніяхъ: люблинской, сѣдлецкой, августовской и въ Галиціи“. Въ видахъ болѣе широкаго распространенія въ народѣ сочиненія Малышевскаго, оно издано отдѣльною брошюрою въ количествѣ 4,000 экземпляровъ.

Изъ воссоединенныхъ съ православною церковію въ епархіяхъ западнаго края, особыхъ попеченій требуютъ присоединенные въ 1865—1867 годахъ изъ римско-католичества въ литовской епархіи, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ стремленіе къ возврату въ католичество. И въ отчетномъ году нѣсколько сотъ такихъ лицъ открыто объявили себя римско-католиками. Причину столь печальнаго явленія преосвященный литовскій указываетъ въ томъ, что въ означенные выше годы нѣкоторые присоединенія къ православію совершались поспѣшно, безъ должной подготовки къ тому присоединяемыхъ; притомъ, вмѣстѣ съ взрослыми, въ большомъ числѣ присоединяемы были тогда малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, которые теперь главнымъ образомъ и ищутъ возврата въ католичество (подъ вліяніемъ, конечно, латино-польской пропаганды и возбужденіемъ отъ ксендзовъ), ссылаясь на свое несовершеннолѣтіе, въ періодъ присоединенія. Мѣрами къ вразумленію такихъ отступниковъ служатъ убѣжденія пастырскія, возможное устраненіе вліяній латинской пропаганды

и укрѣпленіе православнаго элемента въ приходахъ, къ коимъ принадлежатъ колеблющіеся въ православіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

—●— **Признательность Епархіальнаго Начальства и Архипастырское благословеніе священнику за распорядительность и энергію во время пожара.**—Начальникъ Томашовскаго уѣзда Люблинской губерніи сообщилъ Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи отъ 9 минувшаго іюля, что во время бывшаго въ д. Василевѣ 8 мая 1881 года пожара настоятель Новоселецкаго прихода священникъ Несторъ *Слабневичъ*, прибывъ изъ Новоселокъ въ д. Василевъ спустя 25 минутъ отъ начала пожара, своею распорядительностію и энергію, подвергая жизнь свою явной опасности, спасалъ имущество крестьянъ и тѣмъ возбуждалъ въ нихъ энергію къ прекращенію пожара, такъ что, не смотря на бывший въ то время сильный вѣтеръ, угрожавшій распространеніемъ огня на соседнія строенія, успѣлъ прекратить пожаръ, истребившій только шесть крестьянскихъ домовъ. Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 21-го минувшаго іюля на докладѣ консисторіи, священнику Слабневичу за его истинно пастырскій поступокъ объявлена признательность Епархіальнаго Начальства и преподано Архипастырское благословеніе со внесеніемъ въ послужной списокъ.

—●— **Опредѣленіе штатнаго діакона къ Калишской церкви.**—Состоявшій на вакансіи старшаго неаломщика при Калишской Петропавловской церкви діаконъ Михаилъ *Купичъ* Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 27 минувшаго іюля на представленіи преосвященнаго Модеста Викарія Холмско-Варшавской Епархіи, согласно ходатайству протоіерея Баландовича и отзыву преосвященнаго Викарія, опредѣленъ штатнымъ діаконъ при Калишской церкви.

—●— **Избраніе и утвержденіе новыхъ членовъ Сувальскаго Приходскаго Попечительства.**—Прихожане Сувальскаго Успенской церкви въ общемъ собраніи 29 іюля сего года избрали изъ своей среды въ мѣстное приходское Попечительство двухъ новыхъ членовъ-сувальскаго вице-губернатора барона Алексѣя *Рамзанъ* и предѣдателя съѣзда мировыхъ Судей 1-го Сувальскаго Судебнаго округа Владимира *Сикевича*. Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 9-го минувшаго іюля избранные утверждены въ означенныхъ званіяхъ.

—●— **Избраніе и утвержденіе предѣдателя приходскаго Попечительства при Варшавско-Прагской церкви.**—Избранный въ собраніи прихожанъ Варшавско-Прагской церкви 8-го іюля на должность предѣдателя приходскаго Попечительства начальникъ 7-ой Мѣстной Бригады генерал-майоръ Василій Петровичъ *Котловъ* Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 23-го тогожъ іюля утвержденъ въ означенной должности.

—●— **Утвержденіе въ должности старосты Годышовской церкви.**—Избранный прихожанами, съ согласія причта, Годышовской церкви Сувальскаго округа въ должность церковнаго старосты на третіе трехлѣтіе крестьянинъ села Го

дынова Стефанъ Михальчукъ резолюціею преосвященнаго Модеста, Викарія Холмска-Варшавской Епархіи, 22-го минувшаго іюля утверждёнъ въ означенной должности.

ОТДѢЛЪ II.

О львовскомъ процессѣ противъ русскихъ галичанъ.

По извѣстію изъ Львова, въ процессѣ противъ русскихъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи, присяжные 17 минувшаго іюля вынесли слѣдующій приговоръ: „Наумовичъ, Площажскій, Шпундеръ и Олека Залусскій признаны виновными въ нарушеніи общественного спокойствія (но не въ государственной измѣнѣ) и присуждены къ тюремному заключенію на сроки отъ восьми до трехъ мѣсяцевъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіи одного дня разъ въ двѣ недѣли. Остальные подсудимые оправданы“; присяжнымъ засѣдателямъ предложено было 22 главныхъ, 33 добавочныхъ и 11 условныхъ вопросовъ: присяжные совѣщались 6 часовъ.—Итакъ, этотъ,—какъ сильно, но справедливо выразились „Моск. Вѣд.“,—„мерзкій, шутовскій судъ“, длившійся болѣе полутора мѣсяца, наконецъ оконченъ. Газета справедливо называетъ его „жестоконъ комедіей“ и „демонстраціею противъ Россіи“.

Австрія, замѣчаютъ „Моск. Вѣд.“, есть государство безъ національности... Русское населеніе Галиціи есть самое мирное, самое непритязательное, всегда во всѣхъ историческихъ перипетіяхъ остававшееся вѣрнымъ габсбургской династіи, никогда не помышлявшее объ отложеніи... Въ Австріи, гдѣ повидимому водворена религіозная свобода, русскимъ галичанамъ не дозволяется возвращаться въ православіе, отъ котораго они были оторваны насиліемъ и обманомъ. У нихъ отнимаютъ право говорить чистымъ русскимъ языкомъ... На томъ же основаніи каждый нѣмецъ въ австрійской имперіи долженъ быть „судимъ какъ государственный преступникъ“, потому что онъ не только считаетъ себя нѣмцемъ, но и гордится своею нѣмецкою народностію и всѣми своими симпатіями несравненно болѣе принадлежитъ и тяготеетъ къ Германіи, чѣмъ самые русскіе изъ галичанъ къ Россіи... Какимъ же образомъ въ Австріи, допускались польскія національныя празднества, въ родѣ юбилея Крашевскаго, на который съѣзжались поляки изъ-за кордона, чему Россія добродушно не противилась?... И вотъ, тѣмъ не менѣе, польскимъ властямъ, автономно, распоряжающимся въ Галиціи, дозволено привлечь къ тяжкому суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ почтенныхъ

людей, которыхъ политическая честность не могла подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Процессомъ противъ русскихъ галичанъ поражены были не одни мы русскіе. Не можемъ не привести прекраснаго отзыва вѣпской Neue freie Presse по поводу извѣстнаго приговора во Львовѣ:

Присяжные признали подсудимыхъ виновными въ нарушеніи общественного порядка; но по главному пункту обвиненія вынесли оправданіе. Когда мы услышали, что почти всѣ вожди русиновъ арестованы, что на духовныхъ борцовъ цѣлой націи, безусловная преданность которыхъ къ монарху и государству доходитъ почти до безхарактерности, возводятся обвиненія въ тягчайшемъ преступленіи, какое только можетъ обрушиться на гражданина страны, ужасъ охватилъ нашу душу, и мы спрашивали себя, не отчаяніе ли отъ неудачъ въ національной борьбѣ, не раздраженіе ли на нѣкоторыя вынесенныя несправедливости вызвали такое ужасное заблужденіе. Насъ угнетала мысль, что люди, которымъ слишкомъ трехмилліонный народъ безусловно довѣряетъ, употребили свою нравственную силу на то, чтобы замыслить измѣну противъ страны, въ которой родились; что старый чиновникъ, грудь котораго увѣшана орденами, который оказалъ государству важныя услуги во время самаго опаснаго кризиса, задумалъ подрывать почву, на которой живетъ его прошлое; что духовное лицо, облеченное депутатскимъ полномочіемъ, нѣкоторымъ образомъ отраженіе правительства, замышляетъ вдругъ насильственное низверженіе общественного порядка. Какая открывалась тамъ перспектива! На сцену выступили не молодья, горячія головы, идеализмъ которыхъ легко переступаетъ предѣлы законности, а старцы, приближающіеся къ могилѣ и не смотря на это взявшіеся съ дикимъ фанатизмомъ готовить условія къ возмущенію, къ уменьшенію Австро-Венгрии. Одна прелюдія къ процессу уже внушаетъ отвращеніе. Никогда племенная ненависть не являлась въ такой наготѣ; противъ русиновъ все пускалось въ ходъ, не боялись даже хлопотать объ ихъ осужденіи прежде чѣмъ успѣли раствориться двери суда; съ парламентской трибуны томившихся въ темницѣ политическихъ противниковъ поляковъ, довольно ясно клеймили именами измѣнниковъ. Доносничество разрослось привольно; ненависть не стѣснялась и тѣмъ, что приличіе предписываетъ относительно лежачаго врага; всякое чувство состраданія подавлялось. Создана была искусственная атмосфера предубѣжденій; подстрекатели съ словами примиренія на языкѣ, съ ядовитымъ кинжаломъ въ сердцѣ, старались такъ спутать понятія, чтобы польскій антагонизмъ означалъ австрійскій патриотизмъ.

А самый процессъ? Почему рухнуло и распалось прахомъ зданіе государственной измѣны, съ такимъ трудомъ возведенное государственнымъ про-

куроромъ. Напрасно ждали мы шесть недѣль, не обогатится ли во время разбирательства дѣйствительно недостаточный матеріалъ обвиненія. День за днемъ читали мы отчеты изъ Львова, и съ каждымъ днемъ росло наше удивленіе на счетъ эфемерности основаній, на которыхъ строилось столь тяжкое обвиненіе. Не станемъ разбирать приговора присяжныхъ и изучать вопроса, доказано ли преступленіе въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Жюри, составленное изъ польскихъ гражданъ, которые при самой высокой добросовѣстности не въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ духа партій, не могло отыскать государственной измѣны, а единственное исключеніе относительно г-жи Ольги Грабаръ, есть только новое доказательство несомнѣнной невинности. Болѣе шести недѣль подсудимые предстояли суду, наговорено было и написано цѣлые томы, и все-таки мы не въ состояніи были, несмотря на самое тревожное вниманіе, отыскать факты, которые указывали бы на ужасное преступленіе. По истинѣ трогательно было, какъ этотъ старикъ Добрянскій, который нѣкогда поддерживилъ русскія войска въ войнѣ съ революціей; который позже сдѣлался столпомъ военнаго управленія въ Пештѣ, и который теперь еще борется за идею австрійской централизаціи, какъ этотъ человекъ долженъ былъ объяснять повому, правительствующему въ Австріи поколѣнію, что въ Австріи не болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ не было высшего патріотизма, какъ посвящать все свои силы единству государства; что было время, когда боецъ противъ разслабленія государственныхъ узъ могъ быть увѣренъ, что заслужилъ лавры и благодарность и что тогда тѣхъ влекли на скамью подсудимыхъ, которые теперь на судейскихъ стульяхъ рѣшаютъ судьбы націй. Какая перемѣна! Превжній патріотизмъ можетъ сдѣлаться измѣной, превжняя заслуга преступленіемъ, всеразрушающей молотъ—всестерпящей наковальней.

Какія сцены раскрылъ этотъ процессъ! Вновь обнаружилось, что администраціи при слабомъ примѣненіи основныхъ государственныхъ законовъ, лишена прочныхъ, твердыхъ поводовъ. Доказано, какъ тонка преграда, защищающая тайну писемъ. Чего только не дѣлалось, чтобы имѣть право преслѣдованія за государственную измѣну? И однако все было напрасно! Новичекъ въ польскомъ фанатизмѣ металъ въ палатѣ депутатовъ въ вождей націй, даже болѣе — во всю интеллигенцію этой націи ядовитыя стрѣлы подозрѣнія и каждое сказанное имъ слово, въ виду произнесеннаго приговора и въ виду всего процесса, должно жечь ему языкъ. Нѣтъ! Руководящіе государственные люди народа, которыхъ непростительное преступленіе состоитъ въ томъ, что они смѣютъ иногда взывать о помощи, что они ищутъ подчасъ защиты и опоры у нѣмцевъ, что они были неизмѣнно преданы австрійскому императору, съ

тѣхъ поръ какъ кроткій австрійскій скипетръ оградили его отъ конкеровъ и тирановъ, что онъ поддерживалъ правительства, которымъ приходилось бороться съ поляками:—вожди такого народа не измѣнники и если мы не раздѣлаемъ нѣкоторыхъ ихъ политическихъ воззрѣній, если для насъ понятіе объ Австріи имѣетъ другой смыслъ чѣмъ для нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то все же мы слишкомъ сроднились съ исторіей страны, чтобы не уважать мнѣнія, которое теперь не можетъ уже управлять государствомъ, но которое имѣетъ свое великое прошлое и которое вытекаетъ почти изъ средневѣковаго понятія объ отношеніяхъ между подданными и государемъ. Сколь ни жаль намъ тѣхъ обвиненныхъ, которыхъ постигло наказаніе, но мы радуемся приговору присяжныхъ. Онъ снова доказываетъ, какую оборонительную силу представляетъ народный судъ, насколько важность отвѣтственности, чувство справедливости, отражають по крайней мѣрѣ смертельные удары, которыми могутъ угрожать побѣжденному врагу страсти, порождаемыя духомъ времени. По крайней мѣрѣ мы избавлены отъ упрека, который могли намъ сдѣлать позднѣйшіе историки, въ неблагодарности къ тѣмъ, которые нѣкогда были нашими вѣрными слугами.

Осужденные можетъ быть и переступили границы позволенной агитаціи; но они все таки не государственные измѣнники. Они тогда бы были ими, когда бы существовало уже то царство, о возстановленіи котораго мечтаетъ польскій идеализмъ. Мы уважаемъ скорбь о національной разрозненности, но именно этой скорби не прилично обращаться къ суду и искать союза съ государственнымъ прокуроромъ. Если какая часть монархіи нуждается въ покоѣ, если гдѣ нужно постоянно напоминать, что Австрія еще имѣетъ самостоятельную цѣль и если гдѣ примиреніе между національностями и справедливое отношеніе къ ихъ желаніямъ нужны, то именно въ Галиціи. Процессъ развернулъ картину положенія руссискаго народа, которая не должна остаться безъ политическихъ послѣдствій. Тѣ, которые выступили для проклятій, противъ воли будутъ благословлять. Остережемся, чтобы привидѣнія, какъ тѣни безтѣлесныя, пронесшіяся надъ политической поверхностью, когда нибудь не воплотились, чтобы сѣющіе ненависть не пожали когда мечь. Чтобы сломить оппозицію, вытекающую изъ національной борьбы, ничего не можетъ быть хуже, какъ строгость темницы. Русины принадлежатъ къ лучшимъ сынамъ Австріи, вѣрность ихъ безгранична, ихъ патріотизмъ способенъ на величайшія жертвы. Позволительно ли выбрасывать такіе перлы, пробуждать въ этомъ славномъ народѣ чувства, что „до Бога близко, до Вѣны далеко“. Такимъ образомъ этотъ процессъ и не счастье столькихъ людей, томящихся въ темницѣ, можетъ послужить ко благу. Не будемъ обвинять, а

возвысимъ тотъ народъ, который составляетъ твердью нашей границы. Будемъ справедливы къ русскимъ! Вотъ нравственный выводъ изъ этого страннаго процесса о государственной измѣнѣ.

По поводу окончанія тогоже процесса „Совр. Изв.“ замѣчаютъ: гнусный, истинно Каиафинъ судъ, кончившійся приговоромъ, есть только часть систематическаго похода на русскую народность въ Галичинѣ, давно предпринятаго и въ послѣдніе годы ожесточившагося. Въ Краковѣ открыто недавно съ этою цѣлью особое учрежденіе, „Польская Матица“, именно, чтобы въ округахъ, населенныхъ русскими, ополячивать и окатоличивать народъ; уже появились изданные для русскихъ молитвенники, дешевыя изданія для народа и т. п. Русскіе униатскіе священники въ послѣдніе годы стремились къ очищенію униатскаго обряда отъ польско-католическихъ повшествъ, стали было уничтожать звонки во время богослуженія, сами отращивать бороды, вводить нѣкоторыя измѣненія въ своемъ ксендзовскомъ костюмѣ, чтобы сдѣлать его, по возможности, похожимъ на одежду православныхъ священниковъ. Поляки этого не пропустили: они выхлопотали въ Римѣ предписаніе греко-униатскому митрополиту въ Галиціи обратить строгое вниманіе на такія уклоненія греко-униатскаго духовенства отъ униатскаго обряда, и митрополитъ двумя посланіями поставилъ на видъ духовенству неизбѣжную необходимость избѣгать „повшествъ“ въ обрядѣ и одеждѣ. Полякамъ только и нужно было это: тотчасъ же появились предписанія польскихъ властей всѣмъ подчиненнымъ имъ чинамъ слѣдить неукоснительно за исполненіемъ предписаній митрополита. Въ этой заботливости о соблюденіи митрополитскихъ предписаній дошли, можно сказать, до безумія: Толмачскій цесарско-королевскій староста 22 апрѣля издалъ циркуляръ не только всѣмъ помѣщикамъ, управляющимъ помѣстьями, но и всякой сницѣ въ колесницѣ управления этими помѣстьями: экономамъ, писарямъ и т. п.,—чтобы они тщательно наблюдали, исполняется ли духовенствомъ все предписанное какъ относительно одежды духовныхъ, такъ и „литургическихъ обрядовъ“ и о замѣченныхъ уклоненіяхъ отъ этихъ предписаній, немедленно доносили. Такимъ образомъ, русскіе священники, не въ гражданской только жизни, а въ исполненіи своихъ обязанностей въ совершеніи самого таинства евхаристіи, означеннымъ распоряженіемъ цесарско-королевскаго старосты подчинены инквизиторскому дозору польской швали, разнымъ панскимъ прихлебникамъ и блюдолизамъ, которыми обыкновенно бывають переполнены панскіе дворы.

Но недостаточно этого. По распоряженію польско-цесарско-королевскихъ властей, срываются даже кресты съ русскихъ церквей. Въ помѣстьѣ графа Дѣдушицкаго, около Бродъ, русскіе крестьяне на

свой счетъ выстроили церковь и водрузили было на ней осьмиконечный крестъ. Казалось-бы, конституціонная Австрія признаетъ полную свободу вѣры и обряда, это есть основной законъ государства; но въ Галиціи свои польскіе законы, которые не желаютъ звать основнаго закона, и осьмиконечный крестъ былъ признанъ политическимъ преступленіемъ. Въ церковь явились жандармы и потребовали, чтобы крестъ былъ снятъ немедленно. Это требованіе вызвало протестъ со стороны русскихъ крестьянъ, строителей храма, а когда жандармы стали сами снимать крестъ, крестьяне рѣшились было защищать его. Дошло до рукопашной схватки, но жандармы остались все-таки побѣдителями и сняли съ церкви крестъ.

Цѣлый полкъ доносчиковъ стережетъ русскаго въ Галичинѣ. Весь край наводненъ іезуитами, монахами ордена „Змартвухвстанцевъ“, которые, съ цѣлью пропаганды, совершаютъ особые крестные ходы съ проповѣдями и продолжительнымъ богослуженіемъ. Доносами занимаются не только польскіе народные учителя, панская челядь, но и евреи.

Въ газетахъ напечатанъ протестъ профессора варшавскаго университета г. Будиловича противъ постановленія львовскаго суда о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности, по обвиненію въ государственной измѣнѣ (!), какъ самаго г. Будиловича такъ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ подданныхъ, и противъ распоряженія этого суда объ арестованіи ихъ австрійскими властями. Такимъ образомъ русскій подданный привлеченъ иноземнымъ судомъ къ отвѣтственности по обвиненію въ австрійской государственной измѣнѣ и надъ нимъ и еще нѣсколькими нашими соотечественниками тяготѣетъ заочный арестъ. Юридическая и фактическая нелѣпость подобнаго обвиненія довольно подробно разъяснена профессоромъ; впрочемъ, и безъ разъясненій, она видна всякому здравомыслящему человѣку. Еще важнѣе самый принципъ, которому слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ Австрія. Послѣдняя „присвоила себѣ и предоставила своимъ полякамъ право безъ дальнихъ околичностей объявлять государственными измѣнниками русскихъ подданныхъ, которые по той или другой причинѣ не явятся прокурору и членамъ какого нибудь львовскаго суда“. Въ виду этого г. Будиловичъ выражаетъ увѣренность, что наша дипломатія обратитъ на это серьезное вниманіе и истребууетъ отъ вѣнскаго правительства отмѣны незаконнаго распоряженія львовскаго суда.

Западно-русская церковная унія въ ея полемической письменности и литературѣ.

(Отношеніе)*).

Унять слезы Ортолога прежде всего взялся тотъ же не умолимый Скарга, издавшій въ томъ же 1610 г. въ Вильнѣ сочиненіе: „Na treny u lament Theophila orthologa do Rusi Greckiego nabożeństwa przestroga“ а чрезъ два года Ильєю Мороховскимъ выпущено было новое сочиненіе противъ Ѳриноса, изданное также въ Вильнѣ подъ заглавіемъ; *Paregoria albo utolenie uszczypliwego lamentu mniemaney cerkwie wschodney zmyslonego Theophila orthologa*. Wilno 1612¹⁾.

Въ предисловіи, посвященномъ виленскому бискупу Войнѣ, Скарга, такъ объясняетъ причину, заставившую его взяться за перо. „Приѣхавъ въ прошломъ году съ его милостію милостивымъ нашимъ государемъ королемъ въ Вильно, мы нашли здѣсь русское богослуженіе раздвоеннымъ: одни находились въ единеніи съ св. западною церковью, другіе оставались при одной церкви, которая зовется Наливайковскою. Изъ этой-то церкви и ея типографіи, втихомолку, скрытно отъ правительственныхъ властей, почти какъ разъ подъ выѣздъ и отправленіе его милости короля въ Москву, вышло за подписью какого-то Феофила Ортолога сочиненіе, содержащее въ себѣ книжки, наполненныя разными мерзостями и враньемъ на св. церковь римскую, на всѣхъ католиковъ и преблагословенныхъ папъ, намѣстниковъ Христа Бога нашего. Здѣсь говорится, что римская столица не знаетъ св. Петра, а затѣмъ и всѣ тѣ, которые въ послушаніи ей ищутъ своего спасенія, не знаютъ Господа Бога и правды, не имѣютъ евангелія, служатъ антихристу, божескія и человѣческія права потоптали, отмѣнили и новую вѣру поставили, отступивъ отъ той, которую сохраняетъ восточная церковь, вѣру которой нѣтъ спасенія. Эти дикія и неслыханныя злословія, естественно, могутъ оскорблять насъ-католиковъ, которыми этотъ городъ Вильно, великое княжество литовское, вся корона польская и весь свѣтъ наполненъ. Мы бы не обратили вниманія на этого, скрывшаго подъ вымышленнымъ псевдонимомъ свое имя, Ортолога, какъ лишеннаго здраваго смысла; но въ виду того, что онъ выдаетъ себя пишущимъ якобы отъ лица грековъ и восточныхъ патріарховъ и этою своею ложью можетъ ввести въ обманъ простыхъ русскихъ людей, также въ виду далекаго распространенія его книжекъ, доходящихъ даже до Москвы, — осудить и ослабить ихъ дѣйствіе оказалось необходимымъ. Необходимо это сдѣлать особенно теперь, когда его милость король, богобоязненный и милостивый нашъ государь, имѣетъ дѣло и ведетъ войну съ Москвою, которая весьма гнушается римско-католическою вѣрою и вслѣдствіе этого пренебре-

гаетъ благоволеніемъ его милости короля; отъ чтенія же этого сочиненія можетъ воспламениться еще большимъ упрямствомъ, опасаясь нарушенія своего греческаго богослуженія. Когда объ этихъ гнусныхъ, разрушающихъ сосѣдскую дружбу и христіанскую любовь, усиливающихъ непріятеля отечества, книжкахъ узналъ его милость король, приказалъ задержать ихъ; но уже было поздно, потому что онѣ не только здѣсь въ городѣ уже были разсѣяны, но и разсланы были на Волынь и въ Россію“. Чтобы исправить эту ошибку, Война обратился за помощью къ Скаргѣ, который и незамедлительно предложилъ свои услуги. Самому сочиненію предшествуетъ обращеніе „къ читателю и особенно къ Руси греко-русскаго обряда неуспѣвшей оеретичиться“. Здѣсь, упрекнувъ Ортолога въ томъ, что онъ, отказавшись, по безсилію будто-бы, полемизировать съ нимъ — Скаргой, предпочелъ отвѣчать на сочиненіе „какого-то не важнаго между католическими писателями Собрана“, навизавъ Ортологу цѣлыхъ десять заблужденій, авторъ возмущается особенно тѣмъ въ Ѳриносѣ, что его авторъ, въ своихъ напакахъ на римскихъ папъ, пользуется сочиненіями „еретиковъ“ (протестантскихъ писателей). Самое сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть подраздѣляется на 12 отдѣловъ, изъ которыхъ первые три посвящены вопросамъ: 1) „О титулѣ и надписи книжекъ Ортолога и заключающихся въ нихъ пяти видахъ лжи“, гдѣ, между прочимъ, совершенно основательно опровергается увѣреніе Смотрицкаго, что будто-бы Ѳриносъ переведенъ имъ съ славянскаго языка, на который онъ въ свою очередь переведенъ съ греческаго подлинника; 2) „О плачѣ и вопляхъ невѣсты, олицетворяющей восточную церковь, за которую ратуетъ Ортологъ“ и 3) „О хулахъ этой невѣсты на святую римскую церковь столицу св. Петра“. Въ остальныхъ отдѣлахъ этой части исторически разсматривается вопросъ о главенствѣ папы, надъ которымъ уже неразъ останавливался Скарга. Вся вторая часть, состоящая изъ 17 отдѣловъ, почти цѣликомъ посвящена оправданію папъ отъ разнаго рода обвиненій, которымъ они подвергаются въ Ѳриносѣ и которыхъ Скарга насчиталъ двѣ дюжины. Только въ послѣднихъ четырехъ отдѣлахъ разсматриваются новые вопросы. Такъ, въ 14 отдѣлѣ римская столица сравнивается съ Константинопольскою и доказывается преимущество первой; въ 15 отдѣлѣ защищаются иезуиты и западные соборы: флорентійскій, константскій и тридентскій; въ 16 отдѣлѣ развивается мысль, что поработеніе Грековъ Турками есть результатъ отпаденія греческой церкви отъ единства съ римскою, и, наконецъ, въ 17 отдѣлѣ опровергается высказанная въ Ѳриносѣ мысль, что положеніе православныхъ подъ властію Турокъ лучшее, чѣмъ подъ властію папы. Въ третьей части, состоящей изъ 13 отдѣловъ, въ первыхъ семи отдѣлахъ разсматривается вопросъ объ исхожденіи св. Духа, въ 8 отдѣлѣ говорится о прѣсномъ и квасномъ Хлѣбѣ, въ 9 — о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ, въ 10 — о чистилицѣ, въ 11 — о призваніи святыхъ, въ 12 помѣщенъ

*) См. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14 и 15 Х.-В. Е. Вѣст.

¹⁾ Оба эти сочиненія можно найти въ варшавской публичной бібліотекѣ.

отрицательный отвѣтъ Поцѣя на сдѣланное ему и всѣмъ униатамъ въ Өринось предложеніе возвратиться въ лоно православной церкви и, наконецъ, въ 13 помѣщена „Записка, содержащая замѣчаніе и исповѣданіе вѣры восточныхъ патіарховъ, константинопольскаго и александрійскаго, чрезъ ихъ посла Кирилла Лукариса“. Записка эта, по увѣренію Скарги, лично вручена была Кирилломъ Лукарисомъ львовскому архіепископу І. Д. Суликовскому, который коію съ нею, на браковскомъ сеймѣ 1603 года, передалъ ему—Скаргѣ. „Записка эта, считается нужнымъ заявить Скарга, неимѣетъ ничего общаго съ подоломъ и оригиналь ея хранится въ львовскомъ капитулѣ“. Для лучшаго пониманія онъ предпосылаетъ ей слѣдующее замѣчаніе, имѣющее цѣлю объяснить исторію ея происхожденія. Этотъ Кириллъ, комментируетъ Скарга, былъ на брестскомъ соборѣ 1596 года, на которомъ состоялась униа, и здѣсь я впервые узналъ его. Но только здѣсь онъ въ глубокомъ молчаніи смотрѣлъ на того вѣроломнаго Никифора, который возвелъ на молдавскій престолъ Михаила и на варшавскомъ сеймѣ преданъ былъ заключенію. Выдавъ себя ложно за посла константинопольскаго патіарха, этотъ Никифоръ, опираясь на оеретичившуюся русскую шляхту, сколько могъ противился св. униі, но ничего не успѣлъ. А Кириллъ, видя, что Русь впала въ еретичество, а глупые и необразованные пошы сопротивляются униі, старался показать, что самъ онъ сильно желаетъ униі. Уѣхавъ, затѣмъ, въ Константинополь и объяснивши тамъ, что сдѣлалось съ Русью и какъ она оеретичилась, онъ, какъ самъ говоритъ, вторично прибылъ сюда въ 1601 г. Человѣкъ онъ правдивый и ученый, а съ латинскимъ языкомъ не только знакомъ, но даже и силенъ въ немъ. Отъѣзжая отсюда, накупилъ на львовской ярмаркѣ много латинскихъ книгъ особенно сочиненія Белармина противъ еретиковъ, какъ это говорилъ мнѣ тотъ же архіепископъ. Теперь же, какъ мнѣ приходилось слышать, онъ остался послѣ Мелетія александрійскимъ патіархомъ. Послушаемъ исповѣданія правой вѣры не только его, но и тѣхъ патіарховъ, отъ которыхъ онъ былъ посланъ, и отсюда узнаемъ ихъ склонность къ униі“. Записка эта настолько интересна, что мы считаемъ нужнымъ привести ее цѣликомъ¹⁾. „Я Кириллъ Лукарисъ, великій архимандритъ церкви александрійской, екзархъ столицъ патіарховъ: Матѳея константинопольскаго и Мелетія александрійскаго, отправленный посломъ въ королевство польское, повинуюсь волѣ старшихъ своихъ, пришелъ въ эти страны не по легкомысленности и не изъ пустаго любопытства. Я попалъ сюда въ такое время, когда начинались смуты, войны и перемѣны въ Молдавіи, Румехіи и Трансильваніи, вызванныя безповойнымъ Михаиломъ, когда государь Валлахіи, Іеремія Могіла, лишентъ былъ Михаиломъ власти и когда вожди пресвѣтлаго и могущественнаго короля

польскаго возвращали Іеремію его власть. Вслѣдствіе такого замѣшательства, писемъ, которыя имѣлъ отъ своего патіарха къ свѣтлѣйшему королю польскому и къ другимъ лицамъ этого королевства и в. в. литовскаго, я не могъ вручить самолично. Лично удалось мнѣ передать только достопочтеннѣйшему и яснѣйшему І. Д. Суликовскому, архіепископу львовскому, свѣтлѣйшему Лну Замоискому, великому канцлеру и гетману польскому и ленѣйшему князю Константину Острожскому, воеводѣ кievскому. Тѣже письма, которыя я долженъ былъ лично вручить его м. королю, когда это оказалось невозможнымъ, по приказанію его величества, передалъ воеводѣ кievскому, чтобы онъ вручилъ его м. королю. Были у меня письма и съ другими адресами и между прочимъ къ сенату и къ нѣкоторымъ другимъ особамъ въ этомъ обширномъ государствѣ. Но, опасаясь, чтобы мое пребываніе здѣсь не послужило поводомъ къ какимъ нибудь новымъ неудовольствіямъ между людьми,—что противно моимъ мыслямъ и желаніямъ,—я нашелъ нужнымъ возвратиться къ своимъ. Но желая сохранить о себѣ доброе мнѣніе,—что для каждаго порядочнаго и честнаго человѣка всего дороже,—я оставилъ эту мою записку въ рукахъ его м. к. архіепископа львовскаго, въ симпатіи котораго ко мнѣ я убѣдился. Въ этой запискѣ прежде всего свидѣтельствую, что въ эти страны я посланъ патіархами не изъ каваго нибудь пустаго любопытства и не съ злымъ умысломъ: этого жезали и объ этомъ просили тѣ, которые, по старому преданію, слѣдую восточной церкви, придерживаются греческихъ обрядовъ. Въ слѣдствіе этого патіархи, чтобы непоказаться не радѣющими о своихъ обязанностяхъ, отправили меня сюда, чтобы, разузнавъ мѣстныя подробности, доложилъ о нихъ его королевскому величеству и другимъ сановникамъ этого королевства. Кромѣ того, я принялъ отвѣтъ отъ патіарха Мелетія на письмо, которое въ прошломъ году два представителя евангелицкаго толка писали изъ Вильны къ нему, прося, чтобы онъ принялъ ихъ въ общеніе съ греческою церковью, подобно тому, какъ еще прежде вюртембергскіе нѣмцы писали къ славной памяти константинопольскому патіарху Іеремію, но ничего не успѣли. Но когда понялъ, что это не можетъ быть пріятно е. м. королю и другимъ католикамъ, я этого отвѣта не отдалъ и даже не распространялъ о немъ слуховъ. Мало того: я даже избѣгалъ разговора съ ними (протестантами), кромѣ одного или двухъ на Волыни и то ради соизданія. Нѣкоторые убѣждали меня поступить иначе; но я не рѣшился, чтобы неподать ни малѣйшаго повода къ замѣшательству. Я хорошо знаю и патіархи мои это видятъ, что евангелики не только вводятъ гибель и замѣшательства въ восточную и западную церкви, при мѣрѣ чего видимъ теперь въ Германіи, Франціи и Англіи, но вводятъ также въ христіанскія государства начала, разрушающія добрые обычаи. А такъ какъ славное и могущественное ваше королевство (да хранитъ его Господь въ процвѣтаніи и цѣлости) таково, что отъ щастливаго состоянія его зависитъ благополучіе всего христіан-

¹⁾ Скарга приводитъ ее въ латинскомъ подлинникѣ и въ польскомъ переводѣ. Экземп. Варшавск. Публ. Библиотекѣ, стр. 108—113.

сваго міра (!) и всѣхъ людей, идущихъ за І. Христомъ, Спасителемъ міра, то я желаю и прошу Господа,—да и не только я, но и мои патріархи, всѣ Греки и, вообще, христіане всѣхъ восточныхъ церквей того желаютъ, чтобы это королевство Господь сохранилъ въ мирѣ. Хотя еретики западной Европы изъ ненависти въ римской церкви и столицѣ св. Петра и пытались войти въ соглашеніе съ Востокомъ, но никогда приняты не были, потому что они сходятся съ нами въ тѣхъ только пунктахъ, въ которыхъ сходятся еврей и магометане, а именно,—Что есть одинъ Богъ, Творецъ и Промыслитель міра, справедливый и добрый, злыхъ карающій, а добрыхъ награждающій... и въ нѣкоторыхъ другихъ общихъ вопросахъ. Въ существенныхъ же пунктахъ собственно христіанскаго ученія они съ нами не сходятся: о древности церковныхъ учрежденій, объ апостольскомъ преданіи, объ авторитетѣ св. отцовъ и учителей обѣихъ церквей,—всѣ эти вопросы всѣ ихъ секты или нѣкоторыя изъ нихъ рѣшаютъ отрицательно; точно также въ вопросахъ о числѣ и канонѣ книгъ св. писанія, о церковныхъ обрядахъ, объ оправданіи, о литургіи святой и приносимой на ней жертвѣ, о почитаніи и мощахъ святыхъ, о Богородицѣ, о Пресвятой Троицѣ, — во всѣхъ этихъ вопросахъ они тоже съ нами не сходятся и къ тому же новое объясненіе священнаго писанія съ своей собственной головы выдумываютъ. Отставъ отъ насъ такъ далеко, сойтись съ нами теперь они уже не могутъ. Между тѣмъ все то, что есть спорнаго между восточною и западною церквами, только неученыхъ и простаковъ можетъ смущать; ученые же легко примиряютъ эти спорные пункты въ любви Христовой. Мы не только не гнушаемся столицей св. Петра, но ей должное уваженіе и почетъ оказываемъ, признавая ее первою и матерью. Мы имѣемъ одну вѣру, одно крещеніе въ Бога Отца и Сына и св. Духа, признаемъ одну природу, одно всемогущество, одно Божество, одну надежду призванія, одну любовь, одни общія для всѣхъ христіанъ установленія, молитвы и прошенія за царя, правителей, вождей, за всѣ правительственныя учрежденія, одни таинства, одни церковныя установленія большей и меньшей важности, одни пророческія и апостольскія писанія, одно почитаніе святыхъ правовѣрныхъ отцевъ церкви греческой и латинской. Что же мы имѣемъ общаго съ другими сектами? Которыхъ изъ нихъ одна церковь признала еретиками, другая тоже признаетъ ихъ таковыми, проклинаятъ и анаематствуетъ ихъ. Первые соборы обѣ церкви или, вѣрнѣе, одна церковь обоихъ обрядовъ, имѣли съобща, такъ какъ въ основаніяхъ христіанскаго ученія никакого разногласія между ними не было. Была между ними только нѣкоторая разность или вѣрнѣе разнообразіе, выражавшееся въ различныхъ обычаяхъ, какихъ придерживался народъ греческій и латинскій. Но если бы оказалось возможнымъ достигнуть полнаго единенія восточной церкви съ западною, то этого мы должны желать, хотя и нельзя надѣяться, чтобы это случилось въ настоящее время: теперь одна сторона, грѣховъ нашихъ ради, нахо-

дится подъ властію иновѣрнаго государя; а государя и господа другой стороны, въ наказаніе Божіе, не заботятся о согласіи въ обычаяхъ и религіи, словомъ, весь свѣтъ испортился. Думаю, что только существенное исправленіе жизни и великая сила молитвъ съ обѣихъ сторонъ можетъ, съ помощію Божію, привести христіанскій міръ къ согласію. Что же касается меня, то, получивъ напоминаніе отъ его королевскаго величества, какъ послушный, оставляю это королевство и возвращаюсь къ своимъ. При этомъ свидѣтельствую, что въ этихъ странахъ ни о чемъ другомъ не заботился, какъ только о томъ, чтобы водворить миръ и согласіе какъ между тѣми, которые жаждутъ единенія и уже вступимъ въ него, такъ и между тѣми, которые въ немъ еще не находятся и думаютъ, что поступаютъ богоугодно. Но такъ какъ это желаніе мое теперь не осуществилось, то приходится ждать лучшаго и болѣе щастливаго времени. Я съ своей стороны, насколько буду въ состояніи, своими заботами и трудами, буду хлопотать предъ своими патріархами, чтобы съ моей стороны сдѣлано было все, что только можетъ способствовать миру и истинной любви, общественному благу и пользѣ этого преславнаго и благочестиваго королевства, свѣтлѣйшаго короля и его мудрыхъ учрежденій. Я лично не опущу случая оказать всякую услугу, какая свойственна мужу доброму, рачительному и послушному. Это признаніе и исповѣдь моего сердца тебѣ, яснѣйшій и достопочтеннѣйшій епископъ львовскій, господине и патроне мой, оставляю, зная твою любовь и расположеніе ко мнѣ: Ваша милость благоволите воспользоваться по своему усмотрѣнію этимъ документомъ для установленія доброй памяти о мнѣ въ этомъ краѣ и для утѣшенія тѣхъ; которые въ этомъ нуждаются. Во Львовѣ, 24 января 1601 года“.

Чтобы исполнѣ понять значеніе этой записки въ тогдашней полемикѣ, необходимо еще обратить вниманіе на тѣ выводы, какіе дѣлали изъ нея латино-уніаты. Сварга выводитъ изъ нея семь слѣдующихъ положеній: 1) авторъ записки отъ имени своихъ патріарховъ осуждаетъ еретиковъ, каковыми онъ признаетъ тѣхъ, которые противятся римской церкви и столицѣ св. Петра, ненавидятъ ее и расходятся съ нею въ тѣхъ или другихъ членахъ вѣры; 2) онъ признаетъ, что греческая и латинская церкви имѣютъ одну вѣру и расходятся только въ обрядахъ; 3) признаетъ также, что патріархи и вся восточная церковь оказываютъ должное почтеніе столицѣ св. Петра, то есть римской церкви и 4) что эту столицу они считаютъ первою между всѣми церквами и матерью которой послушныя дѣти должны повиноваться; 5) свидѣтельствуется, что патріархи и вся восточная церковь стремится къ полному единенію съ столицей св. Петра, какъ съ своею матерью; но что въ настоящее время, когда восточная церковь находится подъ турецкимъ игомъ, это трудно достижимо, и 6) что самое турецкое рабство есть наказаніе Божіе за грѣхи, и именно—за упрямство и гордость, обнаруженныя греками въ ихъ отпаденіи отъ церкви римской, и наконецъ, 7) выражаетъ сожалѣ-

ніе о томъ, что западныя государства, и особенно королевство Польское, страдаютъ отъ еретиковъ.—Въ этихъ выводахъ Скарги, строго говоря, нѣтъ ничего преувеличеннаго; изъ этой записки непосредственно вытекаетъ, что тогдашняя греческая церковь, относясь отрицательно къ протестантамъ, вполне будто-бы сочувствовала униі съ Римомъ и что эту унию она понимала въ смыслѣ признанія главенства папы. Но такъ какъ этотъ выводъ является ужъ слишкомъ не ожидаемымъ, то естественно поднимается вопросъ о подлинности самой записки. Скарга, какъ мы видѣли, ссылаясь на хранивщійся въ львовскомъ капитулѣ оригиналъ, ставитъ подлинность ея выше всякаго сомнѣнія. Что касается насъ, то если бы даже самъ Кирилль Лукарисъ воскресъ изъ мертвыхъ и призналъ ее своимъ собственнымъ произведеніемъ, то и тогда-бы мы неперестали сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ проведенная здѣсь тенденція стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчій съ тѣмъ, что извѣстно объ отношеніи къ латинству, и въ частности къ униі, какъ самаго К. Лукариса, такъ и уполномочившаго его патріарха Мелетія. Что Мелетій никакимъ образомъ не могъ раздѣлять высказаннаго въ запискѣ взгляда, это ясно видно изъ его посланія къ И. Поцѣю, отправленнаго чрезъ того же Кирилла. Въ запискѣ, напримѣръ, всѣ спорные пункты въ ученіи между восточною и западною церквами сводятся къ самому ничтожному минимуму, такъ что даже разногласію въ вопросахъ объ исхожденіи св. Духа и о причащеніи мірянъ неирридается серьезнаго значенія; „все то, что есть спорнаго между восточною и западною церквами, прямо говорится здѣсь, можетъ смущать только неученыхъ и простяковъ“. Между тѣмъ вотъ какъ смотритъ на этотъ вопросъ Мелетій въ Посланіи къ И. Поцѣю: „когда вниманіе свое, говоритъ онъ, обращаю на то, какая могла быть польза и какое назиданіе для церкви Божіей отъ такого *преступнаго и богопротивнаго* постановленія, которымъ расторгается святиня тѣла и крови Господней (имѣется въ виду причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ) и нарушается символъ вѣры прибавленіемъ „и отъ Сына“, то усматриваю въ этомъ причину *всего зла*, потрясеній и возмущеній во всемъ христіанскомъ мірѣ“. Въ запискѣ, далѣе, хотя сдержанно, но довольно ясно высказывается сочувствіе автора ученію латинянъ о главенствѣ папы; здѣсь напримѣръ, читаемъ: „мы не только не гнушаемся столицей св. Петра, но оказываемъ ей должное уваженіе и почетъ, признавая ее первою и матерью: „Между тѣмъ въ посланіи, послѣ долгихъ разсужденій по этому вопросу, Мелетій восклицаетъ: „О, проклятый декретъ и постановленіе, достойное быть изглажено изъ книги законовъ!“ Вообще, между запискою и посланіемъ, какъ это видно изъ раньше сдѣланнаго нами анализа послѣдняго, рѣшительно ничего нѣтъ общаго. Далѣе, если признать подлинность записки и видѣть въ ней выраженіе истинныхъ взглядовъ Мелетія и Кирилла на унию, то какъ же послѣ этого объяснито поведеніе послѣдняго на брестскомъ соборѣ 1596 года? Этотъ соборъ былъ самымъ удобнымъ слу-

чаемъ, когда Кирилль могъ фактически доказать свое сочувствіе униі; чтоже, спрашивается, могло заставить его стать на сторону православныхъ, если отъ своего патріарха онъ уполномоченъ былъ поддерживать унию? Скарга предвидѣлъ это возраженіе и объяснилъ его тѣмъ, что хотя Кирилль и присутствовалъ на православномъ соборѣ, но не сочувствовалъ тому, что дѣлалось тамъ подъ предсѣдательствомъ Никифора и фактически не участвовалъ въ немъ, сохраняя „глубокое молчаніе.“ Но это чистѣйшая ложь. Авторъ Ектезиса, лично присутствовавшій на соборѣ, свидѣтельствуетъ, что Кирилль нѣсколько разъ возвышалъ свой голосъ на соборѣ¹⁾ и въ одномъ мѣстѣ даже добавляетъ, что „слова его всѣмъ соборомъ были приняты и одобрены“²⁾. А этотъ соборъ можно заподозрить въ чемъ угодно, только не въ сочувствіи униі. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ отрицательнаго отношенія Кирилла къ униі служить его подпись подъ актами этого собора, предавшаго, какъ извѣстно, принявшихъ унию владыкъ анаемѣ. А что Кирилль остался вѣренъ этимъ своимъ взглядамъ и въ послѣдствіи, когда сдѣлался константинопольскимъ патріархомъ, это какъ нельзя лучше доказалъ М. Смотрицкій въ своей „Апологии“. Пошатнувшись въ православіи, Смотрицкій отправился на востокъ, будучи убѣжденъ на основаніи разсматриваемой записки, что въ константинопольскомъ патріархѣ Кириллѣ онъ встрѣтитъ полнѣйшее сочувствіе своимъ униатскимъ замысламъ. Но каково же было его удивленіе, когда послѣ бесѣды съ патріархомъ и по прочтеніи его катихизиса, онъ воочію убѣдился, что Кирилль — врагъ не протестанства, какъ онъ думалъ на основаніи приписываемой ему записки, а латинства³⁾. Эту мысль въ послѣдствіи Смотрицкій выразилъ въ письмѣ къ Кириллу (21 августа 1627 г.). Я не зналъ сомнѣній, пишетъ онъ между прочимъ, пока не прочиталъ твоего письма, которое ты оставилъ во Львовѣ у тамошняго епископа Димитрія Суликовскаго; доказательствомъ служить мое сочиненіе „Плачь“, небезызвѣстное и твоему блаженству. Можешь судить, что испыталъ я, когда доставили мнѣ это твое письмо. Мой „Плачь“ почти во всемъ страдаетъ потерянствомъ, а твое письмо во всемъ благопріятствуетъ римскому исповѣданію, указывая во всѣхъ членахъ вѣры восточной церкви дѣйствительное единомысліе съ западною... Но когда я прочелъ въ Константинополѣ твое изложеніе никео-константинопольскаго символа, составленное въ разговорной формѣ, я, сверхъ ожиданія моего, нашелъ, что оно *противорѣчитъ твоему письму*⁴⁾. — Такимъ образомъ, на основаніи документовъ, ближайшихъ по времени къ появленію этой записки, можно вполне доказать, что содержаніе ея стоитъ въ полнѣйшемъ противо-

¹⁾ Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и др. Росс. январь—мартъ, стр. 6 и 21:

²⁾ Ibid. стр. 6.

³⁾ Истор. Русск. Церк. Макарія, т. XI: стр. 331—332.

⁴⁾ Ibid. стр. 341.

рѣчи съ убѣждениями тѣхъ липъ, мнѣніе которыхъ оно будто бы выражаетъ. — Но въ запискѣ Кирилль Лукарись является уполномоченнымъ не только отъ александрийскаго патріарха Мелетія, но и отъ константинопольскаго Матѳея. Что же сказать объ отношеніи къ уни послѣдняго? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить дѣятельность въ западной Руси протосинкелла константинопольской церкви уже упомянутого Никифора, который какъ извѣстно, почти всю жизнь свою боролся съ латинствомъ и даже палъ жертвою этой борьбы. Скарга предвидѣлъ и это возраженіе и успѣшилъ отвѣтить на него тѣмъ, что объявилъ Никифора самозванцемъ. Но такъ какъ въ дѣйствительномъ полномочіи Никифора не можетъ быть сомнѣнія, то что, спрашивается, заставило такого находчиваго человѣка, какимъ всегда былъ Скарга, прибѣгать къ такой завѣдомо ложной аргументаціи? Предположить, что Скарга дѣйствительно сомнѣвался въ полномочіи Никифора, нѣтъ никакой возможности. Имя Никифора въ свое время хорошо было извѣстно не только въ Константинополѣ, но и на балканскомъ полуостровѣ и въ самой Польшѣ, и всевѣдущій Скарга, безъ сомнѣнія, имѣлъ о его личности самыя точныя свѣдѣнія. Извѣстно, что Никифоръ, хотя имѣлъ санъ простаго архимандрита, не въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, предъ послѣднимъ вступленіемъ Іереміи II на каѳедру, а равно и во время поѣздки его въ Россію, управлялъ цѣлою цареградскою патріархіею, а Константинопольскій соборъ 1592 года „облекъ этого „мужа, исполненнаго всякой науки и мудрѣйшаго“ властію занимать первое мѣсто на всѣхъ соборахъ въ предѣлахъ цареградскаго патріархата, имѣть преимущество чести предъ самыми митрополитами и именемъ вселенскаго патріарха рѣшать на соборахъ всѣ вопросы, касающіеся вѣры и церкви“¹⁾. Прежде своего прибытія въ Россію эти дарованныя ему чрезвычайныя права Никифоръ примѣнилъ на молдавскомъ соборѣ (1595 г.), гдѣ занималъ мѣсто предсѣдателя, несмотря на присутствіе на этомъ соборѣ двухъ митрополитовъ. Самое появленіе его въ Россіи не было чѣмъ нибудь случайнымъ; онъ прибылъ сюда по приглашенію писавшихъ къ нему православныхъ и о пріѣздѣ его немедленно же доложено было королю чрезъ особыхъ уполномоченныхъ²⁾. Если послѣ всего этого Скарга рѣшился объявить его самозванцемъ, то это ясно показываетъ, что ничего лучшаго для устраненія встрѣтившагося противорѣчія онъ придумать не могъ. Такимъ образомъ, подлогъ разсматриваемой записки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно даже опредѣлить ближайшія побужденія, вызвавшія латино-униатовъ на такую поддѣлку. При обзорѣ „Гармоніи“ мы указали, съ какимъ стараніемъ заботились латино-униаты о томъ, чтобы доказать существованіе полнѣйшаго согласія между восточною и за-

падною церквами въ ученіи и обрядахъ. Понятно, что появленіе при такихъ условіяхъ Ёриноса было вдвойнѣ вредно для нихъ: вреденъ былъ онъ, во первыхъ, своимъ содержаніемъ, во вторыхъ онъ вреденъ былъ еще и тѣмъ что выданъ былъ за произведеніе грека, такъ какъ Смотрицкій, какъ уже замѣчено было; объявилъ его переводомъ съ греческаго. Что бы парализовать дѣйствіе Ёриноса въ этомъ послѣднемъ отношеніи, вѣроятно, и рѣшено было прибѣгнуть къ этой поддѣлкѣ, отвѣчая, такимъ образомъ на обманъ обманомъ. Это предположеніе, конечно, можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если не придавать значенія вышеуказанному заявленію Скарги, что копію съ этой записки онъ получилъ отъ Суликовскаго еще въ 1603 году. Появленіе этой записки послѣ выхода въ свѣтъ Ёриноса особенно правдоподобно въ виду того, что ею не воспользовался авторъ Гармоніи, для котораго она была бы незамѣнима, такъ какъ связь между этими двумя памятниками самая тѣсная. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ новый плодъ латино-униатской изобрѣтательности, въ дальнѣйшей полнилкѣ, кажется, не пользовался большимъ значеніемъ. По крайней мѣрѣ Крезва, дѣлающій въ своей *оброль* ссылки на предсмертное завѣщаніе патріарха Іосифа на посольство Михаила къ Сиксту IV, на письмо Нифонта къ митрополиту Іосифу, словомъ, не вышустившій изъ виду ни одного изъ появившихся въ тогдашнее время подобныхъ этой запискѣ документовъ, о самой запискѣ не говоритъ ни слова.

Одновременно съ Скаргой приготовилъ отвѣтъ на Ёриносъ и Мороховскій; но встрѣтившійся при напечатаніи затрудненія, какъ свидѣтельствуется самъ авторъ, не позволили издать его немедленно: „*Paragoria*“ напечатана была только два года спустя (1612 г.). Сочиненіе это состоитъ изъ *посвященія* канцлеру Льву Сапѣгѣ, обращеннаго къ читателю *предисловія* и 11 отдѣловъ самаго изложенія. Основные вопросы здѣсь тѣже, что и у Скарги: авторъ обличаетъ Ортолога за его стремленіе очернить папу и западную церковь, доказываетъ превосходство римской епископской каѳедры предъ всѣми другими, оправдываетъ папъ отъ взводимыхъ на нихъ разнаго рода обвиненій, причемъ развиваетъ мысль, что грѣхи и проступки нѣкоторыхъ папъ не роняютъ ихъ достоинства вообще, разсматриваетъ важнѣйшіе пункты разногласія между восточною и западною церквами, каковы: объ исхожденіи св. Духа, о прѣсномъ и квасномъ хлѣбѣ, о чистилищѣ, и въ заключеніе представляетъ „защиту верховной власти папы и отвѣтъ на аптитезы псевдолога“. Замѣчательно, что Мороховскій, какъ и Скарга, не признаетъ автора Ёриноса выразителемъ взглядовъ восточной церкви; оба они стараются выставить его человѣкомъ, зараженнымъ протестантизмомъ, одинаково опаснымъ какъ западной, такъ и восточной церкви. Такая тенденція обуславливалась, конечно, все тѣмъ же желаніемъ доказать, что между восточною и западною церквами нѣтъ разногласія и что, напротивъ

¹⁾ Истор. Р. Ц. Макарія, т. IX, стр. 650.

²⁾ Ibid. стр. 651.

истинно православные люди признаютъ существованіе между ними полного согласія, полной гармоніи.

Но въ своихъ нападкахъ на „Ориносъ“ латиноуниаты не ограничились борьбой однимъ ученымъ оружіемъ. Въ „Ориносѣ“ найдены были антиправительственныя тенденціи, а авторъ его объявленъ былъ государственнымъ измѣнникомъ, сочувствующимъ врагамъ отечества (Москвѣ, съ которою, какъ извѣстно, Польша вела тогда войну). Такіе отзывы вынудили Сигизмунда III прислать изъ подъ Смоленска, гдѣ онъ тогда находился, даже особый приказъ сдѣлать обыскъ въ виленской русской типографіи Св. Духа, печатающей возмутительныя книги и пасквили; подозрительныя вещи и книги велѣно забрать и сжечь, типографовъ посадить въ тюрьму, а шрифтъ отобрать¹⁾. Дѣйствительно, изъ недавно изданнаго С. Т. Голубевымъ одного документа видно, что магистратомъ виленскимъ строго запрещено было, чтобы „такихъ книжекъ подъ петля тисечми золотыхъ червонныхъ никто не куповалъ ани продавалъ“, и что тогда же у православныхъ отнято было 36 экземпляровъ „Ориноса“²⁾. — Мѣры, припатыя латиноуниатами къ ослабленію вліянія „Ориноса“, не могли, конечно, имѣть какихъ-нибудь существенно-важныхъ результатовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить слѣдующій отзывъ объ успѣхахъ этого сочиненія самого Смотрицкаго, сдѣланный имъ уже послѣ перехода въ унию: «скорбѣлъ (Смотрицкій), говоритъ авторъ „Ехашен-а оброну“, — передъ нами и скорбѣлъ раза три по поводу того, что написалъ книгу, названную „Плачемъ“; много, говоритъ онъ, я принесъ вреда этою книгою, сожалѣю объ этомъ и желаю вознаградить церковь Божию какою-нибудь существенною услугою, которая бы столько принесла добра, сколько сдѣлано зла означенною книгою“³⁾.

Если теперь бросить общій взглядъ на православную полемическую литературу въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій послѣ Брестскаго собора, то сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что въ это время она уже значительно расширилась въ количественномъ отношеніи и возвысилась въ качественномъ. Но при всемъ томъ рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что лучшие изъ полемистовъ, выставленныхъ въ это время православною стороною, каковы — Смотрицкій и Филалетъ, были люди, получившіе западно-европейское образованіе⁴⁾, и въ ихъ сочиненіяхъ на каждомъ шагу сквозить, если не

исключительное, то преимущественное знакомство авторовъ съ латинскимъ языкомъ и латинской литературой. Этотъ фактъ даетъ право заключать, что въ это время греко-славянскія школы, поставившія свою задачку приготовить борцовъ за православіе путемъ ознакомленія съ греческимъ языкомъ и литературой, еще далеко были отъ своей цѣли. Цѣль эта въ значительной степени достигается лишь послѣ, чѣмъ съ успѣхомъ воспользовались православные полемисты въ борьбѣ съ своими противниками въ слѣдующемъ новомъ фазисѣ развитія полемики, на которомъ мы теперь и остановимся.

Латиноуниатскіе полемисты въ своихъ поискахъ за средствами для борьбы съ православіемъ, какъ замѣчено было, не остановились на флорентійской униі, къ которой съ такимъ скептицизмомъ отнеслись православные, а задумали еще разъ перенести центръ своей аргументаціи въ продолжавшейся полемикѣ и, на этотъ разъ, уже въ самую глубь исторіи, пытаясь такимъ образомъ, на первыхъ ея страницахъ найти оправданіе для брестской униі, которая все еще оставалась зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. Уже изъ того, что сказано нами, отчасти можно видѣть, что какъ ни изобрѣтательны были проповѣдники униі въ присканіи основаній для перехода православной церкви изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха подъ власть римскаго папы, но все же они не рѣшались отвергать того несомнѣннаго факта, что судьба православной церкви искони была связана съ судьбою церкви константинопольской, и что она всегда неуклонно стояла въ полной іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Въ грамотѣ Сигизмунда III отъ 28 іюля 1598 года на имя кievскаго митрополита Рагозы, между прочимъ, читаемъ: „выразумѣли есмо зъ писанья вѣрности твоей зъ уснаго посельства чрезъ велебныхъ, Потѣя, владыку володимерскаго, и Терлецкаго, владыку луцкаго, и зъ вѣрность твою уваживши то въ себѣ, и зъ до тыхъ часовъ есте есте подъ послушенствомъ патріарха константинопольскаго, маючи его за пастыря найвысшаго и, посвященіе отъ него беручи, все послушенство ему есте отдавали“¹⁾. Мысли о всегдашнемъ „послушенствѣ“ русской церкви константинопольскому патріарху первоначально не отвергали и самые представители латинской пропаганды: „говорите“ пишетъ Скарга въ своемъ „Синодѣ Брестскомъ“, не хотимъ отступать отъ богослуженія предковъ нашихъ и устанавливать новую вѣру. Но кто же васъ къ этому принуждаетъ или кто вамъ это совѣтуетъ? Неужь-то совѣтуемъ вводить какія-нибудь новшества въ вашихъ церквяхъ? Не ужь-то васъ къ новому евангелію и къ новой

русскихъ школъ, или еще лучше, достаточно сравнить Апокрисисъ съ другими ближайшими по времени православными полемическими сочиненіями, какова, напр., „Книжица“ клирика Острожскаго чтобы окончательно убѣдиться, что Филалетъ получилъ лучшее въ то время европейское образованіе.

¹⁾ Акт. Зап. Росс. т. IV № 77 стр. 108.

¹⁾ Очеркъ исторіи города Вильно В. Г. Василевскій. 1. 74. Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1878 г., июнь, стр. 189.

²⁾ Труд. Кіевск. Дух. Ак. *ibid.* стр. 183.

³⁾ Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 21, стр. 575—576.

⁴⁾ Относительно, М. Смотрицкаго несомнѣнно извѣстно, что онъ сначала учился въ виленской іезуитской академіи, а затѣмъ доканчивалъ свое образованіе за границею и между прочимъ въ университетахъ Мюренбергскомъ и Лейпцигскомъ (см. Литовск. Церк. Унія т. 2 стр. 140). Что касается Филалета, то прямыхъ историческихъ указаній на его образованіе мы не имѣемъ; но достаточно познаться съ современнымъ написанію Апокрисиса состояніемъ западно-

вѣрѣ ведемъ? Не совѣтуемъ этого, а напротивъ, хотимъ сверѣпить вѣру старыхъ отцовъ вашихъ и нашихъ, хотимъ спасти васъ отъ еретичества и заблужденій новыхъ грековъ. Будто заключается какая-нибудь новизна въ единеніи грековъ съ святою столицею римскою? Нѣтъ это не новизна: мы выяснили, какъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Древніе Св. греки въ этомъ единеніи пребывали и о немъ писали. Въ не слишкомъ давнее время—полтораста лѣтъ тому назадъ— это единеніе было возобновлено и здѣсь на Руси по Исидорѣ долго держалось¹⁾. Такимъ образомъ Скарга для того, чтобы опровергнуть возраженіе православныхъ, трактовавшихъ унію съ римскою церковію, какъ что-то новое, до этого времени неизвѣстное на Руси, останавливаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на томъ, что проповѣдуемое имъ теперь единеніе есть то самое, которое когда-то признавалось греками. Это ясно свидѣлствуетъ, что въ его сознаніи русская церковь въ своемъ прошломъ не отдѣлима была отъ церкви греческой, такъ какъ достаточно было ему доказать, что послѣдняя когда-то находилась въ единеніи съ римскою церковію и тогда, по его представленію, онъ, во имя здравой логики, имѣлъ право потребовать отъ западно-русской православной церкви поставить настоящую унію въ причинную связь съ прошлою, не смотря на то, что теперь шла рѣчь объ уніи съ Римомъ русской церкви, а тогда—церкви греческой. Особенно ясно эта мысль выступаетъ въ послѣднихъ словахъ приведенной тирады; авторъ, сказавъ, что единеніе грековъ съ Римомъ повторилось и на флорентійскомъ соборѣ („полтораста лѣтъ тому назадъ“), продолжаетъ,—что это единеніе и здѣсь на Руси долго продолжалось, ставя, такимъ образомъ, послѣдній фактъ въ причинную связь съ первымъ. Но особенно рельефно эта мысль выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда уніатамъ приходилось оправдываться предъ православными въ своемъ отступничествѣ отъ константинопольскаго патріарха. Когда православные упрекали ихъ въ измѣнѣ освященному вѣками праву константинопольскаго патріарха на іерархическое подчиненіе ему русской церкви, здѣсь имъ естественнѣе всего было бы заговорить о нецѣлостности этого права въ какомъ-бы то ни было смыслѣ; а между тѣмъ на первыхъ порахъ они объ этомъ даже не заикаются: они признаютъ, что они дѣйствительно измѣняютъ въ этомъ отношеніи традиціямъ православной русской церкви, но оправдываютъ такое свое поведеніе потерей греками чистоты древняго православія. „Греческій берегъ, пишетъ Поцѣй въ извѣстномъ уже намъ письмѣ (1601 г.) къ александрійскому патріарху Мелетію, не можетъ быть хорошимъ путемъ къ вѣчной жизни, и я не хочу забрасывать на немъ якорь своей надежды; евангеліе у грековъ испорчено, и я не хочу вѣровать въ него; святость на востокѣ исчезла, потому что здѣсь нѣтъ (правильнаго) обряда, и я не хочу быть соучастникомъ грековъ. Преданія отцовъ поруга-

ны на востокѣ, тѣла святыхъ угодниковъ отсюда перенесены въ Римъ,—поэтому я желаю умереть вблизи св. отцовъ (т. е. въ лонѣ католической церкви) къ чему я склоненъ не силлогизмами, но очевидностію самой правды¹⁾. Въ этихъ несколько краснорѣчивыхъ, настолько же и фальшивыхъ словахъ самаго виднаго изъ представителей уніатской церкви, коротко резюмировано все, что обыкновенно выставлялось его единовѣрными современниками въ оправданіе своего отступленія отъ греческой церкви; смыслъ этихъ словъ простъ и понятенъ: было, молъ, время, когда русская православная церковь искала спасенія въ лонѣ церкви греко-восточной; но это время миновало, потому что минула и древняя святость этой церкви. Такимъ образомъ, фактъ прежней связи русской церкви съ греческою остается нетронутымъ и слѣдовательно, признается во всей полнотѣ своего объема. Затѣмъ, когда въ послѣдствіи вниманіе полемики сосредоточилось на флорентійской уніи, уніатская сторона, повидимому, какъ бы дѣлаетъ попытку поставить русскую церковь въ изолированное положеніе отъ греческой; но это только повидимому. Правда, мы видѣли, что уніаты напрягали всѣ свои силы для того, чтобы доказать, что флорентійская уніа принята была западно-русскою церковію; но принятіе Русью этой уніи трактовалось тогда какъ слѣдствіе принятія ея греками на флорентійскомъ соборѣ, и на Руси уніаты старались отыскать лишь слѣды того, что сдѣлано было греками на флорентійскомъ соборѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то громадное значеніе, какое сторонники уніи придавали уже упомянутымъ нами памятникамъ, предсмертному завѣщанію патріарха Іосифа и сочиненіямъ Геннадія. Хотя, такимъ образомъ, латино-уніаты имѣли дѣло съ русскою церковію, но тѣмъ не менѣе они считаютъ нужнымъ доказывать, что флорентійская уніа была принята константинопольскимъ патріархомъ и что она, дѣйствительно, признавалась, и въ послѣдствіи греческою церковію, какъ это по ихъ мнѣнію, можно было видѣть, напр., изъ сочиненій Геннадія. Только доказавъ это положеніе, они считали возможнымъ доказывать, что флорентійская уніа принята была и русскою церковію. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что первоначальнымъ проповѣдникамъ уніи и въ голову не приходила мысль повліять на православныхъ путемъ изолированія исторической судьбы западно-русской православной церкви отъ церкви греческой. Но скоро они должны были убѣдиться, что такая постановка вопроса не можетъ привести къ желанной цѣли и поэтому въ слѣдующей новой попыткѣ прискать историческія основанія для брестской уніи, какъ увидимъ, всѣ силы напрягаютъ для того, чтобы отодвинуть греческую церковь на второй планъ и, по возможности, имѣть дѣло съ одною русскою.

¹⁾ Synod Brzeski. Апокрис. Кіевск. изд. стр. 445.

¹⁾ Histor. lit. Вишн. т. VIII Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 17, стр. 440.

Мы видѣли, что попытки уніатскихъ полемистовъ обратиться къ флорентійской уніи для оправданія уніи брестской окончились ничѣмъ, такъ какъ самый флорентійскій соборъ объявленъ былъ „листрійскимъ“, а пущенные въ ходъ разнаго рода документы признаны были подложными. Это обстоятельство однако-жъ не смутило достойныхъ питомцевъ іезуитовъ. Оборвавшись, такъ сказать, на флорентійской уніи, они, какъ уже замѣчено задумали создать такую унію, начало которой было бы современно началу самой исторіи русской церкви, т. е. они рѣшили создать такое основаніе, на которомъ можно было бы построить не только брестскую, но и флорентійскую унію; прямѣе говоря, они задумали доказать, что русская церковь искони стояла въ единеніи съ церковію римскою, сознавала это единеніе, и выражала это въ соотвѣтствующей внѣшней формѣ. И вотъ, чтобы осуществить этотъ, насколько остроумный, настолько и смѣлый планъ, они употребляютъ слѣдующій маневръ. Мы уже видѣли, что, ставя русскую церковь въ іерархическую зависимость отъ греческой, первые проповѣдники уніи, выходя изъ идеи церковнаго монархизма, смотрѣли на греческую церковь, какъ на посредствующее звено, при помощи котораго русская церковь вошла въ связь съ общимъ церковнымъ организмомъ, главою котораго признавался римскій первосвященникъ. Продолжая далѣе свои заключенія, они признавали, что вѣроученіе русской церкви всегда было тождественно съ вѣроученіемъ церкви греческой, а такъ какъ навязываемыя заблужденія послѣдней, съ этой точки зрѣнія, были вмѣстѣ и заблужденіями первой, то и самое отношеніе ихъ обѣихъ къ римской церкви должно было признаваться одинаковымъ. Скарга, стараясь указать гарантіи прочности новой (брестской) уніи въ томъ, что главная причина непрочности прежнихъ уній теперь уже уничтожена, прямо заявляетъ, что „греки теперь не стануть уже васъ (русскихъ) воспламенять и возбуждать къ отступленію“¹⁾. Когда же такой взглядъ на дѣло оказался несоотвѣтствующимъ ихъ цѣлямъ, они, отказавшись отъ прежнихъ своихъ тенденцій, рѣшились доказывать, что зависимость и вообще связь русской церкви съ греческою была не безусловная и не постоянная, а зависѣла отъ того, насколько сама греческая церковь признавала свою зависимость отъ римской столицы: „обычай подчиненія патриарху, говоритъ Кривза въ своей „Обронѣ уніи“, до тѣхъ поръ былъ хорошимъ, пока не уничтожилъ права божественнаго, даннаго Петру и его преемникамъ отъ Христа Господа, и права церковнаго, которое константиновало (обволаѣло) и объяснило первое, т. е. до тѣхъ поръ, пока патриархи подчинялись римскимъ папамъ“²⁾. А такъ какъ извѣстно было, что фактъ раздѣленія церквей или, что то же, — съ точки зрѣнія латинянъ—фактъ отпаденія константинопольска-

го патриарха отъ подчиненія римскому папѣ совершился еще въ началѣ принятія Русью христіанства, то уніатскіе полемисты и рѣшились доказывать, что христіанство на Руси первоначально распространено было не изъ Константинополя, а изъ Рима, т. е. миссіонерами, получившими благословеніе на проповѣдь отъ римскаго папы, и что эта первоначальная духовная связь русской церкви съ римскимъ престоломъ не прерывалась въ теченіи всей слѣдующей исторіи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Но такъ-какъ такой взглядъ заключалъ въ себѣ умъ слишкомъ наглую ложь, то защитники его, чтобы отвести, такъ сказать, глаза православнымъ, прибѣгаютъ частію къ подтасовкѣ, частію къ прямому искаженію фактовъ, съ чѣмъ мы можемъ познакомиться изъ указанной „Оброны уніи“ Кривзы, который, насколько намъ извѣстно, былъ первымъ уніатскимъ писателемъ, рѣшившимся провести этотъ взглядъ во всей его полнотѣ, съ возможною научною обоснованностію. — Возводи начало христіанства въ Россіи къ миссіонерской дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, высланныхъ на проповѣдь еще при патриархѣ Игнатіѣ, признававшемъ якобы главенство папы, онъ доказываетъ что такъ какъ въ это время константинопольскій патриархъ занялъ Фотій, не признававшій верховной власти римскаго папы, то эти славянскіе проповѣдники, игнорируя патриархомъ, какъ отступникомъ, отправились въ Римъ и взяли тамъ у папы благословеніе на дѣло проповѣди среди славянскихъ народовъ; а когда ихъ миссіонерская дѣятельность урѣчалась успѣхомъ, они вторично предприняли путешествіе въ Римъ, гдѣ ученики этихъ первоучителей получили посвященіе; здѣсь же дана была высшая-санкція переведеннымъ на славянскій языкъ богослужебнымъ книгамъ для употребленія ихъ среди новообращенныхъ славянскихъ народовъ. „Такимъ образомъ, заключаетъ Кривза, изъ Рима, отъ папы, а не изъ Константинополя имѣемъ службу Божию и все совершаемое во славу Божию“¹⁾. Гораздо тру-

¹⁾ Авторъ, замѣтивъ, что первое крещеніе Руси „за Bazilego Macedona, cesarza Greckiego, a za ksiązęcia wszystkiej Rusi Ruryka, y za ksiąząt Kiiowskich, Askolda y Diry, za patryarchy Konstantinopolskiego Ignacego, ktorego acz zrzucil..Barda, a wsadził Fociusza окончилось ничѣмъ, продолжаетъ A iesli się do tego przyłożył y Fociusz, co za dziw, że Pan Bog nie błogosławił temu w pasterstwie, który sam przeciw pasterstwu, od Chrystusa Pana postanowionemu, powstać począł; a iż od katolickiego a nie schyzmatyckiego patriarchy y ten pierwszy krzest Rus przyjął, wielkim dowodem iest sprawa świętych apostołow naszych Słowianskich Metodego i Cyrilla, którzy: pod ten czas, gdy się Fociusz, w Konstantynopolu buntował przeciw papieżowi, po błogosławieństwo iedzili do Rzymu, wysłani byli ieszcze za Michala cesarza, na początku patryarchostwa świętego Ignacego do krajow Słowianskich, dla nawracania ich na wiarę. W czym, gdy im Pan Bog pobłogosławił, iż wiele narodow Słowianskich nawrocili, a chcąc ich opatrzyć pasterzmi y po Słowacku nabożenstwo swoje odprawować, szli do Rzymu z księgami Słowackimi, przelożonymi z Greckiego ięzyka po Słowacku“, и

¹⁾ Synod Brzeski тамъ же.

²⁾ Часть III, Rozd. III, P. Ис. Биб. т. IV стр. 239.

двѣ было доказать, что эта первоначальная, непосредственная якобы связь русской церкви съ римскимъ престоломъ поддерживалась и въ слѣдующихъ періодахъ исторіи. Но находчивость и здѣсь не оставляетъ Кревзу. Извѣстно, что вслѣдъ за раздѣленіемъ церквей при Михаилѣ Керуларіѣ начинается рядъ попытокъ къ ихъ воссоединенію, попытокъ, выразившихся при первыхъ византійскихъ династіяхъ: Комненахъ (1081—1185), Ангелахъ (1185—1204) и Ласкарисахъ (1204—1259), въ рядѣ диспутовъ и полемическихъ трактатовъ; а въ царствованіе династіи Палеологовъ (1259—1453)—въ примирительныхъ трактатахъ и уніяхъ. Всѣ эти попытки, вызванныя, какъ извѣстно, особымъ политическимъ состояніемъ Византійской имперіи и принадлежавшія исключительно инициативѣ свѣтской власти, даютъ поводъ Кревзѣ сдѣлать заключеніе, что тѣ константинопольскіе патріархи, при которыхъ эти попытки происходили, и которые, слѣдовательно, *volens-nolens* должны были входить въ такія или иные сношенія съ западною церковію, — признавали надъ собою власть римскаго папы: а зависимость русской церкви отъ такихъ патрарховъ, признавалась, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость, хотя не непосредственною, и отъ римскаго папы. Но фальшь такой постановки вопроса была ужъ слишкомъ очевидна. Дѣло въ томъ, что сношенія константинопольскихъ патріарховъ, или, вѣрнѣе, восточной церкви съ западною, если и могли давать хоть какое-нибудь основаніе для сдѣланнаго Кревзоу вывода, то это развѣ во второй указанный нами періодъ, когда эти сношенія, дѣйствительно, имѣли примирительный характеръ; но этого нельзя было сказать о первомъ періодѣ, когда въ ожесточенной богословской полемикѣ каждая изъ спорившихъ сторонъ, доказывая правоту своего учения, требовала отъ противной стороны безусловнаго отреченія отъ специфическихъ особенностей своей церкви; когда, слѣдовательно, самый вопросъ о монархическихъ правахъ въ церкви римскаго епископа признавался сущю нелѣпностью. Такимъ образомъ, высказанный Кревзоу взглядъ уже слишкомъ былъ не состоятеленъ, такъ какъ выдвинутый имъ принципъ не могъ объяснить и десятой доли тѣхъ фактовъ, которые подъ него подводились. И вотъ, для подкрѣпленія или, вѣрнѣе, для оправданія этого принципа Кревза прибѣгаетъ къ слѣдующему, не менѣе остроумному, но не менѣе ложному, новому софистическому приему. Онъ соглашается съ тѣмъ, что константинопольскій патріаршій пре-

тамъ получили удовлетвореніе (часть III, Rozd. 1, нов. изд. ст. 223—226). Tu jawnie każdy widzieć może, iako ten Cyril, święty apostoł Słowacki *potepia przeklętą schyzmę Fociuszową*, gdy uczniów swoich święcił na stan duchowny do biskupa Rzymskiego wodził, y stamtąd błogosławienstwo bierze tym, którzy Słowiańskim ięzykiem nabozenstwo chrześciańskie w cerkwiach odprawować mieli. *Z Rzymu tedy od papieża tamy służbe Bożą y wszystko odprawowanie chwały Bożej cerkiewne, a nie z Konstantinopola. Nie bez osobliwego zrzędzenia Bożego, słało się to*“.

столь иногда занимали „отступники“, которые не хотѣли признавать надъ собою власти римской столицы; за то, по его мнѣнію, и русская церковь въ это время разрывала яко-бы связь съ константинопольскимъ патріархомъ¹⁾. Поводомъ для такого утвержденія и въ данномъ случаѣ былъ дѣйствительный историческій фактъ. Извѣстно, что наша русская церковь, чутьли не съ перваго момента своего историческаго существованія, начала сильно тяготиться своими отношеніями къ церкви константинопольской и по возможности старалась освободиться отъ той опеки, которую наложила на нее послѣдняя, считавшая себя ея матерью. Такого рода стремленія, какъ извѣстно, обнаружались прежде всего въ попыткахъ русскихъ князей уничтожить обычай константинопольскаго патріарха избирать и поставять у себя дома митрополита для русской митрополіи, примѣры чего видимъ при Ярославѣ, Изяславѣ и частію при Ростиславѣ, нехотѣвшемъ, какъ извѣстно, принять присланнаго изъ Константинополя митрополита Іоанна. Но извѣстно, что причина такихъ стремленій лежала внѣ сферы строго-религіозныхъ отношеній: ихъ вызывали не вѣроисповѣдныя или обрядовыя разности въ той и другой церквахъ, о которыхъ въ данное время не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, — не характеръ отношенія константинопольскаго патріарха къ римской столицѣ; а, главнымъ образомъ, съ одной стороны,— стремленія византійскихъ императоровъ воспользоваться фактомъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха для своихъ политическихъ видовъ, съ другой стороны,—характеромъ самыхъ митрополитовъ-грековъ, несоотвѣтствовавшихъ своему назначенію. Но такое об-

¹⁾ Въ трактатѣ: „Jesli zwyczaj taki iest, żeby mitropolitowie Ruscy brali błogosławienstwo od patryarchi Konstantynopolskiego“, непосредственно слѣдующемъ послѣ каталога Кіевскихъ митрополитовъ, авторъ между прочимъ говоритъ: „jasnie się ukazuje z metropolitow wylieczonych (въ каталогѣ) *trzynastu, różnych czasow, którzy posłuszeństwa patryarchom, nieposłusznym papieżu, nie oddawali, oprócz trzech, rodem Rusi, którzy byli gdy Konstantinopol był w ręku łacinników, bo ci pewnie do Azyey, oddając patriarsze posłuszeństwa, nie iezdzili, wszędzie bowiem okolo morza, a te stronę łacinnicy trzymali, to ich iuz z temi 16. A każdy z nich był metropolitą Ruskim, y nie było między swietckiem i żadnego gomonu oto, że posłuszeństwo takiemu patriarsze, który nie słuchał papieża, nie oddawali (тамъ же ст. 239). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Кревза, какъ это и изъ приведенной тирады видно, главнымъ образомъ, настаиваетъ на томъ отрицательномъ положеніи, что кіевскіе митрополиты не подчинялись власти тѣхъ константинопольскихъ патріарховъ, которые, въ свою очередь не признавали власти римскаго папы. Что же касается вопроса о томъ, какъ относились эти митрополиты къ папѣ, то авторъ или умалчиваетъ, или отказывается отъ рѣшенія его вѣдѣтвіе недостаточности данныхъ, и только относительно митрополитовъ, слѣдовавшихъ въ періодъ послѣ Флорентійской уніи, онъ рѣшается, — по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ,—утверждать, что они несомнѣнно признавали унію съ Римомъ.*

ясненіе факта, разумѣется, было не въ интересахъ Крєвзы и вотъ онъ игнорируя этимъ объясненіемъ, видитъ въ указанномъ фактѣ оправданіе своего принципа. — Но было бы слишкомъ продолжительно подробно исчислять всѣ тѣ разнаго рода уловки, къ которымъ прибѣгаетъ Крєвза для того, чтобы обосновать проводимый имъ взглядъ. Замѣтимъ только, что сколько ни мудретвовалъ онъ, все же вполне достигнуть своей цѣли ему не удалось, такъ какъ выдвинутый имъ принципъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказался положительно непримѣнимъ и въ концу концовъ у него все же остался цѣлый рядъ кievскихъ митрополитовъ, связь которыхъ съ константинопольскими патріархами, несомнѣнно стоявшими въ оппозиціонномъ отношеніи къ римской столицѣ, была не сомнѣнна. Последнее обстоятельство вынудило его въ своемъ каталогѣ кievскихъ митрополитовъ образовывать особую категорію лицъ, которыхъ онъ, не найдя ничего болѣе остроумнаго, рѣшилъ окрестить именемъ „простяковъ“ и „неученыхъ“: были, молъ, простяки и не ученые и поэтому неудивительно, что признавали власть патріарховъ - отступниковъ. Насколько вѣрно прилагаемъ былъ этотъ эпитетъ къ митрополитамъ, причисленнымъ Крєвзою къ указанной категоріи, можно видѣть уже изъ того, что къ этой же категоріи причисленъ былъ и Св. Кипріанъ. Мы нѣсколько подробно остановились на этомъ пунктѣ въ сочиненіи Крєвзы потому, что онъ составляетъ основное ядро въ вопросѣ, который представляетъ сравнительно оригинальное явленіе въ современной полемической литературѣ и съ которымъ мы не естрѣчаемся въ сочиненіяхъ предъидущихъ полемистовъ. Нужно замѣтить, что съ постановкой этого вопроса уніатская полемическая литература на исторической почвѣ достигла послѣдняго фазиса своего развитія. Съ попыткой Крєвзы отыскать начало уніи на первыхъ страницахъ исторіи русской церкви сдѣланъ былъ послѣдній шагъ въ разсмотрѣнномъ нами поступательномъ движеніи уніатской полемической литературы при разработкѣ ею вопроса объ историческихъ основаніяхъ брестской уніи, и послѣдующимъ изслѣдователямъ этого вопроса по необходимости приходилось вращаться уже въ готовыхъ опредѣленныхъ рамкахъ, которыя подъ перомъ Крєвзы расширены были до *non plus ultra* своего объема. Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли служить вышедшее въ 1683 году православное сочиненіе *fundamenta, na ktorych łacinnicy iedność Rusi z Rzymem fundują*¹⁾. Здѣсь неизвѣстный авторъ поставилъ свою задачею разобрать всѣ тѣ основанія, какія приводились въ его время латинянами для оправданія брестской уніи. Изъ этого сочиненія видно, что, спустя 66 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Обороны“ Крєвзы (1617г.), латиняне въ данномъ вопросѣ ни на одинъ шагъ не выступили изъ-за предѣловъ тѣхъ рамокъ, которыя въ свое время намѣчены были Крєвзою. Здѣсь приведено 30 фундаментовъ и почти всѣ они встрѣчаются въ каталогѣ

митрополитовъ Крєвзы. Въ предѣлахъ же намѣченной Крєвзою программы прогрессъ, дѣйствительно, замѣчается. Такъ напр., фактъ крещенія Руси при св. Владимірѣ у Крєвзы совершенно игнорируется. Въ концѣ XVII в., какъ это видно изъ вышеуказаннаго сочиненія, онъ выставлялся на видъ, но объяснялся тѣмъ, что въ это время греки находились въ единеніи съ Римомъ. Въ вышедшемъ же въ 1704 году сочиненіи Кулеши: „*Wiąga prawosławna*“ уже доказывается, что якобы Владиміръ крестецъ былъ св. Бонифаціемъ¹⁾.

Вслѣдствіе указаннаго историческаго значенія „Обороны“ Крєвзы, на ней необходимо было-бы остановиться нѣсколько подробнѣе. Но такъ какъ она была тѣмъ именно сочиненіемъ, противъ котораго главнымъ образомъ, полемизировалъ З. Копыстенскій въ своей „Палинодіи“, то избѣгая излишняго повторенія мы исполнимъ эту задачу въ специальномъ изслѣдованіи о самой „Палинодіи“.

В. Завитневичъ.

Воззваніе къ духовенству.

*Глубокоуважаемые пастыри Христовой церкви
первопрестольной Москвы!*

Во имя правды и по сыновнему долгу предъ матерію св. церковь, я не разъ возвышалъ свой сильный голосъ въ защиту духовенства, которое признаетъ вся наша исторія могущественною силою въ созиданіи русскаго царства и въ развитіи нравственно-духовныхъ силъ русскаго народа, составляя для него и до сего дня великую, хотя и незримую, нравственную силу. Но не смотря на неизмѣримо важныя и притомъ неоспоримыя заслуги русскаго духовенства родной землѣ, многіе въ настоящее смутное время находятъ дерзость осыпать его, въ его общемъ составѣ, всевозможными клеветами, чернить самую черною грязью. Нѣкоторые это дѣлаютъ по дѣтскому легкомыслію; но у другихъ есть затаенная коварно-крамольная мысль: подорвать довѣріе къ православно-церкви и служителямъ ея, стоящимъ на стражѣ народной вѣры и совѣсти. Я имѣю не мало доказательствъ съ различныхъ концовъ русскаго земли, съ какимъ теплымъ сочувствіемъ отнеслись всѣ благомыслящіе люди, не только изъ духовной сферы, но и изъ свѣтской, къ моей посильной защитѣ православнаго духовенства. Особенно сочувственно принять былъ мой „Голосъ мірянина“; нѣкоторые, даже свѣтскіе люди, выражали желаніе (на что я имѣю письма), что полезно было бы, для блага нашей цер-

¹⁾ Экземп. библиот. С. П. Дух. Академіи.

¹⁾ Вишневскій, т. VIII. Киевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 6, стр. 162.

кви, распространить эту статью въ *милліонахъ* экземпляровъ. Но я зналъ, что въ нашихъ духовныхъ изданіяхъ не мало было напечатано статей въ защиту вѣры, церкви и ея служителей лицами, крѣпльшими меня словомъ и разумомъ. А такъ какъ этихъ статей свѣтскіе люди почти не читаютъ и вводятъ въ невольное заблужденіе нашею легкомысленною пресою, то я рѣшился издать сборникъ подходящихъ къ этому дѣлу статей. Эту мысль я первому сообщилъ глубокоочтиму нашему архипастырю Алексію епископу можайскому, и она нашла себѣ въ его любвеобильнѣйшемъ сердцѣ самое теплое сочувствіе. Съ тою же теплотою отнеслось къ ней немалое число изъ почтенныхъ пастырей церкви г. Москвы, а впоследствии и нѣкоторые изъ епархіальныхъ архипастырей; первые притомъ не оставляли меня и своими добрыми совѣтами. Но я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ самому глубокому источнику духовной мудрости, увѣ! такъ безвременно изсякшему, къ приснопамятному мужу науки и архипастырскаго служенія, митрополиту Макарію. Во время бесѣды со мною объ этомъ сборникѣ, почившій Владыка три раза благословлялъ меня на это святое, по его выраженію, дѣло. Такъ горячо горѣло его святительское сердце любовью къ православной церкви, и такъ дорожилъ онъ честію духовенства, вмѣстѣ съ нимъ чернилаго гнусными клеветами! Но мало было для него самыхъ сердечныхъ пожеланій успѣха предположенному мною дѣлу; онъ разсмотрѣлъ и одобрилъ планъ изданія, изъявилъ желаніе быть руководителемъ при подборѣ статей и заключилъ свой архипастырскій совѣтъ слѣдующими словами, драгоценными для духовенства Москвы: „Я знаю, какъ крѣпко держитъ московское духовенство знамя своего высокаго призванія и какъ дороги ему православная наша церковь и собственная честь его; а потому увѣренъ, что оно со всею теплотою отзовется къ этому труду и возьмется быть посредникомъ въ распространеніи предполагаемой къ изданію книги среди пасомыхъ. Послѣдняго я не могу приказать; но посоветовать сочту своимъ долгомъ“. Эти незабвенныя слова незабвеннаго святителя рѣшили дѣло, и книга, благодаря дѣятельному сотрудничеству одного изъ даровитыхъ наставниковъ здѣшней семинаріи, Ив. Ил. Соловьева, вышла въ числѣ 6.000 экз., подъ названіемъ: „За истину и правду“. Не смотря на то, что она почти въ 12 листовъ убористой печати, я назначилъ ей цѣну въ 30 к. (если она будетъ продаваться при посредствѣ церкви); остатокъ за расходами назначается въ пользу бѣдныхъ духовн. званія, какъ это и значится на самой книгѣ¹⁾. Такъ какъ всѣ издержки по изданію доходятъ до 1000 руб., то желательно, чтобы каждая изъ церквей г. Москвы взяла по крайней мѣрѣ по 10 экз., т. е. на 3 р. съ присоединеніемъ къ нимъ 20 к. разнощнику, чѣмъ значительно покроются издержки на отпечатаніе. Думаю, что иная небѣдная церковь не погрѣшитъ, если

¹⁾ О чемъ, въ свое время, будетъ напечатано.

приобрѣтеть нѣсколько экз. на свои средства для безмездной раздачи прихожанамъ.

Считаю нужнымъ сдѣлать одну оговорку. Въ изданной книгѣ не мало мѣста занимаютъ статьи, принадлежащія мнѣ, но это сдѣлано единственно по желанію лицъ, съ которыми я совѣтовался при выборѣ статей. *Quod potui feci, faciant meliora potentes.*

Желающіе взять 10 экз. (или болѣе, какъ нѣкоторые изъ уважаемыхъ пастырей заявили) благоволятъ объявить объ этомъ своему благочинному, съ ссылкой на его же имя и слѣдующихъ денегъ.

Д. Ст. Сов. Ив. Палимпсестовъ.

12 Юля 1882.

Р. С. Не найдутъ ли умѣстнымъ редакция духовн. журналовъ напечатать это письмо съ моимъ адресомъ: Въ Москву, Даевъ переулочъ, домъ Шагаева, Ив. Устннов. П—ву.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШІЙ МАКАРІЙ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Адресъ: Въ Москву, въ редакцію „МОСКОВСКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1880 годъ. — Объявленія и извѣстія: Признаніе епархіальнаго начальства и архипастырское благословеніе священнику за распорядительность и энергію во время пожара. — Опредѣленіе штатнаго діакона къ Калишской церкви. — Избраніе и утвержденіе новыхъ членовъ сувалкаго приходскаго попечительства. — Избраніе и утвержденіе предѣдателя приходскаго попечительства при варшавско-прагской церкви. — Утвержденіе въ должности старосты Годышовской церкви. — Отдѣлъ II. О львовскомъ процессѣ противъ русскихъ галичанъ. Западно-русская церковная унія въ ея полемической письменности и литературѣ, В. Завитневича (окончаніе). — Воззваніе къ духовенству. — Объявленіе.

Редакторы: I-го Отдѣла Протоіерей I. Корженевскій
II-го Отдѣла Священникъ А. Демьяновичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 13 августа 1882 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.